

СКАЗ О БЕЛОМ ЛЕБЕДЕ

Еще по старинке зовут село Митрофановкой. Издавна лепятся к его плетням и оградкам белесо-сизые полыни и никак не могут изойти древним эфирно-горьким духом. А куда ни глянь — степь, словно по линейке захожего стекольщика обрезанная по окоёму острым алмазом. Ни лесных кущ, ни речных разливов. И над земной ширью — ширь небесная.

Сколько так жили в том селе — никто не считал.

Потом за околицей, перехватив поперек сухую от века изложину, грузно осела земляная плотина, по-местному, гребля. Талые воды скатывались сюда не одну весну, замачивали тугие блескучие солонцы, прежде чем с краями залили изложину.

Так не сам по себе, а по людской задумке засинел у села пруд. И словно всего прибавилось в степи — и облаков, гонимых ветрами, и серых жаворонков с их переливчатыми трелями, и яркого макового да ромашкового цвету.

А как-то увидели селяне на тихой воде белого лебедя. Сон ли то? Нет — явь! Все село на цыпочках, не подходя близко, любовалось и ахало.

Старухи, приоденясь в праздничное, часами стояли, глаз не сводя с залетной красавицы птицы. Старики забывали про кisetы, не дымили самокрутками, не баловались покупными лавочными папиросами. И откуда бралась ястребиная зоркость в слезящихся старческих очах? Далеко видели белую птицу! Теплели сердца, добрели люди. Пели девушки, пели песни парни, величали громко лебедя, звали прилететь из далекого края сударушку, мил-лебедушку.

Мальчуганы, как ящерицы, подползали из-за полыней и бессмертников, во все глаза глядели и не могли наглядеться на никогда еще не виданную птицу. Как добирались к пруду, так и отползали назад, становились на ноги только у сельской околицы.

Не спугнуть, сберечь красу неписаную — вот о чем думали, чего от всей души желали люди. Еще на зорьке всматривались в розовеющую водную гладь и улыбались, видя живым и здоровым лебедя.

Да отыскался среди всех селян один, у кого при взгляде на лебедя вспыхнула не любовь-радость, а волчья алчность и затмила все собой. Таясь, выбрав глухое недоброе время, подкрался он поближе...

Легко держась на воде, отраженный в ней каждым своим чистым пером, каждым изгибом,— лебедь был на виду.

...И, хищно вперясь в добычу, поднял малокалиберное ружье. Не красоту он видел, а мясо.

Негромко стукнул выстрел. Как подрезанная, смертно поникла лебединая голова, раздалась белые широкие крылья, забились на воде,— побежала волна за волной, тревожно ударила в берег.

Так не стало залетного белого лебедя на степном пруду, погубила алчность красоту неписаную. Лишь память селян навсегда сохранила в себе того лебедя, от дедов и отцов передает этот сказ нашим детям.

ЛЯГУШКА-ДРЕВЕСНИЦА

Лес начинался за последними домами, под кручей. Сбежишь по глинистой дорожке, — и над головой сомкнутся зеленые ветви. Пахло прогретым листом.

Большеглазые стрекозы поджидали босоногих мальчишек и тут же затевали игру в «догонялку». Подпустив поближе, они отскакивали от наших протянутых пальцев и, трепеща прозрачными крыльшками, манили за собой. Вот снова уселись на прутик, поджидают нас.

Из-под ног метнется бабочка невиданной раскраски. Как стерпеть, не погнаться за нею! А за поворотом, куда мелькнула бабочка, увидишь большего черного жука с клешнями — во какими! — на голове. Ты — к нему, а он вскинет голову, приподнимется на передние лапы, зубчатые клешни угрожающе раздвинет: а ну-ка, кто хочет попробовать?

Что за крик вскинется! Как засуетятся мальчишки! То наклонятся, то отпрянут, будто ужаленные, то присядут на корточки возле страшного жука. Так и этак хотят его ухватить. Приблизят пальцы вплотную, отдернут — ой! Пока кто-либо не приловчится и не изловит жука, не сдавит его с боков большим и указательным пальцами. Тогда победитель, вытянув торчмя руку с черным страшилищем, бросается за друзьями, а они с визгом от него кто куда.

Перед одной лишь древесной лягушкой все пасовали, не могли одолеть панического страха.

Толком мы даже не представляли, как выглядит эта обитательница зеленых чащ. Родители же, стараясь отвести нас от бродяжничанья по лесу, с малых лет припугивали древесницей. Чего только не приписывали ей!

«Добегайтесь! — грозя пальцем, остерегали мамы. — Ужо она прыгнет на вас, непоседы. Сверху-то все как есть видно. Не промахнется! Скок на затылок, на шею, на спину, тут же присосется, — не смахнешь. Узнаете тогда, как неслухами быть!»

Мы цепенели от страха, нам представлялось что-то холодное, липкое припадает к телу. Аж передернет тебя всего, невольно ладонью проведешь по шее, будто и в самом деле смахнул что.

Заслышим, бывало, несхожий ни с птичьим, ни с лягушачьим звонкий крик в лесу — и что есть духу бежать от него. Не скоро остановимся, — всюду мерещилась древесница, на любом дереве, в любом кусте.

Не одно лето прошло. Но ребячий страх не мог заслонить собой любопытство, желание своим глазом увидеть страшилище. С годами соблазн усиливается. Теперь мы сами, подзадоривая один другого, забирались в чащобину. Паутина пересекала ее во всех направлениях, цеплялась за нас. Где-то здесь затаилось пугало, молчит. Видать, не зря. Не иначе что-то затевает. Вытянув шею, боимся рот раскрыть, слово произнести. Один из нас не выдерживал и бросался назад, вся ватага за ним, только треск шел по лесу.

После что разговоров было! Тот, оказывается, приметил, как раздвигалась листва; другой, округлив глаза, уверял, что видел, как спрыгнула здоровенная жаба, метя в мальчишек, да промахнулась. И чем несуразней, чем вздорней выглядел рассказ, тем больше нагонял на нас безотчетного страха.

Сбившись на светлой тропе, ребята с опаской поглядывали на лесной сумрак.

Вооружась хворостинами и палками, окружили мы густолиственное дерево, откуда разносился звонкий, торопливый крик. Напрасно всматривались острые ребячьи глаза в зеленую крону: древесница не обнаруживала себя.

Тогда, как по команде, в ход были пущены хворостины и палки. Неистово секли мы ими по ветвям, по листве. Любой чувствовал себя в бою, опасность подстегивала, доводила силы до предела.

Листья, сбитые нашими ударами, летели во все стороны, в ноздри врывался их влажный запах.

Что-то ярко-зеленое отделилось от ветки и, раскинув лапки, взметнулось в

Древесница, провожая солнце за Карадаг, греется в его закатных лучах.

воздухе. Совсем не велика древесница, но так стремительно, так молниеносно выглядел ее сверкающе-зелёный полёт, что вся наша ватага отхлынула от дерева. Верно: у страха глаза велики.

Стыдно признаться, до взрослых лет держалась эта боязнь — страх перед древесной лягушкой. А безобидней, беспомощней ее — трудно найти. Бывало, сердисься на самого себя, коришь всячески, а давний ребячий страх не выветривается, держится, как червяк в яблоке...

Недавно отдыхал я летом в Крыму у горы Карадаг. Почти возле дома услышал звонкий крик. Всего меня так и потянуло на этот голос зеленой чащи. И где — возле дома! А деревьев и кустов много, трудно разобраться. Вроде с этого дерева? Ишь, как звонко. Почему же отдаляется? А может, с того — что правее? Или — что позади? Подхожу ближе, все ближе. Гляжу во все глаза с листка на листок, пока они не перепутываются, не сливаются в одно сплошное, зеленое. А тут древесница приумолкла, и сколько ни жду — все напрасно.

Но увидел-таки. Не в этот раз, а в другой. И не на дереве. У самой дорожки, густо присыпанной мелким ракушечником, на широком листе агавы с торчащими колючками. Только что смотрел на эту агаву и кроме нее ничего не видел. И вдруг — вот она, аж дух захватило! Словно вышла из листа. Игрушечная, блестяще-зеленая, овальная с виду, с подобранными под себя лапками, чуть выступающей головой. С темными глазками, с темной полосой от обоих уголков рта и вдоль всего туловища. И во всем, в любой части, в любом членике — тонкое изящество.

Придвинулся... Боюсь упустить из глаз — моргну, а она исчезнет. Нет, все так же сидит на агаве. Кожица дышит. Мне захотелось легонько провести по ней пальцем, погладить. Но нельзя. Спугну.

Сколько невиданных заморских растений перенесла сюда рука садовника! Агавы, кактусы, поражающие собой, своими размерами и формами. Но не их видит, не ими любит мой восхищенный взор.